

Часть 2: Духовное перерождение в ресторане "Две Божественные Дыни"

За завтраком оба противника злобно шурились друг на друга, сидя в маленьком ресторане на торговой улице.

Что до Лью ЛиДжона, - ему ёбаная редиска была уже до китайской лампочки из цветной рисовой бумаги, но Лью ШуШону принцип был дороже родного племянника, он сторожил свою редиску, как дракон - золотую гору, и ненаглядный мальчик начинал чувствовать себя обиженным и брошенным. Ради какого-то мокрого говна в банановых листьях.

(Лью ЛиДжон, громко и выразительно:) - Мне ничего не надо... Я буду голодать в знак протеста.

Сладкая виноватая складочка начала формироваться между бровей Лью ШуШона, но, подняв глаза, он обнаружил ухмылку довольного племянника, - и решительно воткнул обе палочки в пельмень с грибами. Голодный Лью ШуШон уже улыбнулся пельменю, поднося его ко рту, но пельмень неожиданно улетел от него. Лью ЛиДжон засунул пельмень в рот целиком и агрессивно клацнул палочками, с вызовом глядя на старшего друга.

- Лью ШуШон, сломай ему руку, - подсказал старый Чжэн ДэдЭнд из-за столика за спиной торговца шелком.

Все присутствующие повернулись, чтобы наблюдать поединок.

Лью ШуШон неуверенно приподнял другой пельмень. Лью ЛиДжон напряг предплечье и раздвинул палочки. Лью ШуШон рывком поднял руку. Лью ЛиДжон ткнул в пельмень, пельмень свалился на стол, Лью ЛиДжон быстро воткнул в него палочку, утащил и сожрал.

(Чжэн ДэдЭнд, азартно:) - Руку ему сломай!

(Фу ЛеФань, зампредела городского совета, авторитетно :) - Руки ломать нельзя! За касание чем-нибудь кроме палочек - штрафное очко!

Лью ШуШон опустил голову на уровень миски, чтобы укоротить расстояние, и попытался столкнуть пельмень в рот. Лью ЛиДжон, как пикирующий сокол, выхватил пельмень из дядинога рта, чуть не выколов ему глаз, и съел.

(Фу ЛеФань:) - Три - ноль!

(Дядя ХаХао, хозяин ресторана:) - Кто ведет?

(Чжэн ДэдЭнд:) - Сломай ему что-нибудь, наглому щенку!

Лью ШуШон бросил палочки, ухватил пельмень из миски прямо пальцами, но его руку перехватил стоявший рядом блюститель порядка Фу ЛеФань, поднял на всеобщее обозрение и объявил:

- Касание рукой, штрафное очко! Четыре - ноль.

Лью ЛиДжон в это время украл еще два пельменя прямо из тарелки.

(Голоса со всех сторон:) - Лью ЛиДжон, молодец!.. Так не честно!.. Лью ШуШон, шевелись давай!..

(Фу ЛеФань:) - Шесть - ноль!

(Выразительные глаза Лью ШуШона и горькая складка между бровей, на языке мимики:) - Я есть хочу!

(Лью ЛиДжон, не в силах смотреть на несчастного товарища, думает:) - Бай Чи, бедный...

Лью ШуШон надулся и кинул пельменем, который все еще держал в руке, в подлого племянника. Потом он сердито толкнул миску в его сторону, на языке мимики говоря "На, подавись." Лью ЛиДжон взял один пельмень и сунул его в рот дяде, который сидел напротив с убитым видом. Зрители разочарованно расходились.

Феогнид застал только конец представления. Он видел, как сидевший лицом к дверям Лью ШуШон подвинул миску с обедками к молодому красавцу напротив.

- Ничего себе скотина, - подумал грек про хозяина "Веселого паши", выбирая себе место через проход, так, чтобы ему было видно портового "Гермеса". - А парень этот, видимо, совсем нищий.

"Гермес" в это время потерял интерес к пельменям, потому что Лью ШуШон переключил внимание на десерт - маленькие бобовые пирожные, стоявшие посередине стола. Лью ЛиДжон приготовил палочки. Лью ШуШон засомневался, стоит ли вообще пытаться сегодня позавтракать. Зрители, расходившиеся по местам, остановились, ожидая, что будет дальше. Феогнид, усевшийся сбоку за спиной Лью ШуШона, видел только хищные удлинненные глаза портового бригадира, нацеленные на хозяина.

- Ненавидит, - с уважением подумал греческий гость. Он любил необузданность нрава в простолюдинах.

Лью ШуШон с обиженным видом катал пироженку палочкой по краю блюда. Старый Чжэн ДэдЭнд в утешение похлопал его по плечу и повернулся доедать яичницу. Феогнид наблюдал, как к столику подошел человек с бумагами и отдал их старшему мужчине. Лью ШуШон

просматривал документы листок за листком, пока Лью ЛиДжон вдруг не выхватил у него всю пачку, подписал кисточкой в двух местах и сунул весь ворох клерку, раскидав половину по полу. Потом он нагнулся, поднял листок, отодрал с одного края полоску бумаги, написал что-то, отдал кисточку пришедшему человеку и подтолкнул его, мол, иди отсюда. Лью ЛиДжон, поглядывая на старшего друга, забрал с тарелки пирожное, проделал в нем пальцем дырку, засунул туда скрученную бумажку и положил обратно. Лью ШуШон посомневался, не отберут ли опять, взял пирожное, сунул его в рот, а бумажку прочитал.

- Что там? - снова перевешиваясь через его плечо, спросил Чжэн ДэдЭнд.

- Деловая переписка, - строго ответил Лью ШуШон, убирая руку с письмом подальше.

"Маленькому дяде три годика, - было написано там. - У него надутые губки."

(Лью ЛиДжон, вставая с места:) - Я пошел считать трюм. Ты сначала поешь.

Он, не дожидаясь прислужника, сходил за новой миской, поставил ее перед другом и, глядя, как Лью ШуШон расцвел и потянулся к пельменям, подумал: "Надо скорее уходить, а то я его сейчас в макушку чмокну." Похвальное благоразумие: если бы в ресторане "Две Божественные Дыни" один мужик поцеловал другого за то, что тот хорошо кушает, у посетителей нашлась бы тема поинтереснее, чем даже борьба за пельмени на палочках. После того, как посетителей откачали бы от сердечного приступа. Кроме, конечно, Чжэн ДэдЭнда: с его высоким давлением, старика могли бы и не откачать. Зато был бы повод переименовать "Две Божественные Дыни" в "Два веселых помидора", например.

Поворачиваясь к дверям, Лью ЛиДжон почувствовал настойчивый взгляд, устремленный на него. Феогнид не отвел глаз: он хотел, чтобы его заметили. Их глаза встретились в первый раз... Лью ШуШон, заметив, что племянник все еще стоит рядом, поднял голову, продолжая жевать, и, проследив его линию зрения, обнаружил русокудрого незнакомца, засмотревшегося в их сторону. Племянник и дядя переглянулись, он понимали друг друга без слов, посредством силы любви. "Я буду есть пельмени," - сказали карие глаза Лью ШуШона. "Кушай, мой хороший, - прошептали светлые глаза Лью ЛиДжона. - Я пошел трюм считать."

Чувства, теснившиеся в душе Феогнида были ему незнакомы. Хищник в засаде терял свой деспотический порыв и начинал испытывать... что это было?.. сострадание к намеченной и выслеженной жертве? Он с неуверенностью посмотрел на, исчезавшее в дверном проеме, великолепное тело, в котором было столько энергии и грации и, видимо, очень сильно недоставало мозгов. Бедный, бесхитростный парень, который сам не понимает, насколько он прекрасен - Феогнид вдруг понял, что его надо спасти от злобного деспота, поглощавшего сладкие моти за столиком через проход. Сам жрет по две порции с десертом, а помощнику дает доедать за собой один откусанный пельмень.

Он обнаружил, что место, на котором сидел деспот, уже опустело: начинался рабочий день, и

посетители расходились. Старый Чжэн ДэдЭнд с дружелюбным интересом посматривал на иностранного гостя: он намного больше любил поболтать в ресторане, чем заниматься делом у себя в лавке. Феогнид показал на недавно опустевшее место и вопросительно посмотрел на старика.

- Это был мой друг, Лью ШуШон. А тебе что от него надо? - сказал Чжэн ДэдЭнд.

- Я не понимаю. Дэн каталавэно, - по-гречески ответил Феогнид с сожалением.

- Лью ШуШон, - повторил Чжэн ДэдЭнд отдельно. - Мой (стукнул по себе) друг (стукнул по стулу).

"Этого деда зовут Лью ШуШон," - понял грек.

Дяде ХаХао тоже было интересно, о чем разговор, потому что он тоже не очень любил работать и очень любил болтать.

(Дядя ХаХао, подходя и обращаясь к Чжэн ДэдЭнду:) - Чего ему?

(Чжэн ДэдЭнд:) - Про Лью ШуШона спрашивает.

(Дядя ХаХао, поняв:) - А! Это Лью ШуШон (стук по стулу, на котором сидел Лью ШуШон). Мой друг (стук по себе).

"И этого тоже зовут Лью ШуШон," - понял Феогнид.

- Феогнид, - представился он и коснулся ладонью своей груди. - Феогнид.

Потом он снова показал на опустевший стул.

- Лью ШуШон, - повторил Дядя ХаХао. - Лью ШуШон.

"И того тоже зовут Лью ШуШон. Их всех зовут Лью ШуШон."

Оба обитателя ресторана дружелюбно ему кивали. "Да, да, мы все - Лью ШуШоны."

- Сумасшедший дом, - подумал Феогнид.

Он указал на второй стул, уже зная, что на нем тоже сидел Лью ШуШон.

- А! А это был Лью ЛиДжон, - против его ожиданий сказал Чжэн ДэдЭнд. - Лью ШуШон и Лью ЛиДжон - они дядя и племянник. Понимаешь?

Он сцепил ладони вместе, показывая тесную связь между родственниками.

(Чжэн ДэдЭнд, жестикулируя:) - Вот так они, понимаешь? Лью ШуШон - большой, он дядя. (Он показал рукой в воздухе выше своей головы.) А Лью ЛиДжон - он племянник, наглый щенок. (Он показал рукой у колена.)

(Дядя ХаХао, критикует:) - Ты где показываешь? Лью ЛиДжон выше Лью ШуШона.

(Чжэн ДэдЭнд, гнет свое:) - Ну и что? По возрасту-то он меньше? Свое место должен знать!

(Дядя ХаХао, цепляя Феогида за рукав:) - Смотри лучше на меня. Я тебе сейчас покажу: я - Лью ЛиДжон, я выше, а Чжэн ДэдЭнд будет Лью ШуШоном, он ниже. Они дядя с племянником, родственники, понимаешь?

Он обнял старого Чжэн ДэдЭнда одной рукой за плечи, притянул к себе и попробовал посмотреть на него с родственной любовью. Посмотрев, он с отвращением признал:

- Ты на Лью ШуШона не похож.

(Чжэн ДэдЭнд, увлеченно:) - Сейчас!

Он расставил руки в стороны и выкатил свою впалую грудь, насколько позволял ревматизм. Завсегдатаи "Двух Дынь" собирались вокруг них, исполненные интереса и оживления.

(Феогида, безнадежно:) - Дэн каталавэно. Я не понимаю.

(Суит Пай, бригадир грузчиков фарфорового торгового дома, потеряв ладонью об ладонь:) - Сейчас я все покажу... Смотри на меня. Эй, эй! На меня смотри! Я (стучает по себе) - Лью ШуШон.

(Феогида, думает:) - Тоже мне удивил...

(Суит Пай:) - Плечи - вот такие. Глаза - как угли. Только я лысый, а он... не лысый, волосатый.

Он поискал вокруг глазами, надеясь найти где-нибудь волосы. На одном столике обнаружилась беленькая салфетка. Суит Пай положил ее себе на голову.

(Суит Пай, показывая пальцем:) - Вот, видишь? Я больше не лысый... А это - Лью ЛиДжон...

Он подтащил к себе владельца заведения Дядю ХаХао.

"Похоже, эти два человека хотят пожениться," - глядя на фату бригадира грузчиков, благодушно думал Феогнид. Он давно перестал пытаться понять происходящее. Дядя ХаХао встал на цыпочки, чтобы быть выше соседа, но все равно разница получилась небольшой. Тогда он подхватил под мышки старого Чжэн ДэдЭнда и поднял его перед собой.

"И у них уже есть сын примерно восьмидесяти лет от роду," - умилился грек.

"Я хочу домой, - он вдруг ощутил острый приступ ностальгии. - Хочу в мою любимую Мегару. Где светит солнце, где небо голубое, растут финики и нет ни одного Лью ШуШона."

(Чжэн ДэдЭнд, висая в воздухе:) - А мы - Лью ЛиДжон, наглый щенок...

- Конечно, наглый, - возразил он кому-то среди зрителей.- Дядя ХаХао, подними-ка меня повыше, я погляжу кто там со старшими спорит!.. Я сколько раз говорил Лью ШуШону: сломай ему ноги, чтобы не наглел. Понимаешь?

Старик почесал семь длинных волосинок, которые были у него вместо бороды.

Скорбно опущенные вниз уголки выцветших слезящихся глаз придавали Чжэн ДэдЭнду трогательное беззащитное выражение. Которое вводило неосторожного зрителя в очень опасное заблуждение. Потому что по натуре Чжэн ДэдЭнд был кровожадным, злопамятным и беспощадным демоном. Как истинный художник, он выражал свои эмоции в собственных произведениях, поэтому родители с детьми обходили стороной улицу, на которую выходил прилавок его игрушечного магазина, где красовались злобные хари деревянных лошадок и обезьянок.

(Чжэн ДэдЭнд, похлопывая Феогнида по ногам:) - Это ноги, понимаешь? Это - твои ноги, а это - мои ноги.

Он задрал подол ханьфу и продемонстрировал содрогнувшемуся иностранному гостю застарелый артрит.

(Чжэн ДэдЭнд, показывая на второй стул:) - И у этого засранца тоже есть ноги. Их ему надо переломать. Избалованный мальчишка!

Он сверкнул глазками и сделал несколько судорожных рывков сжатыми кулачками.

(Племянник Чжэн ДэдЭнда, 50 лет, у самого уже четверо внуков:) - Что ты прицепился к Лью ЛиДжону, какой он мальчишка?

Чжэн ДэдЭнд поджался, как крыса перед прыжком, и сощурился на наглого щенка, который спорит со старшими. Пятидесятилетний племянник, сам уже четырежды дедушка, спрятался за чужими спинами.

(Чжэн ДэдЭнд:) - Конечно! Как он с дядю уважает? Еду у него таскает?

(Кто-то:) - Вы сегодня продули шесть-ноль, вот и возмущаетесь!

(Чжэн ДэдЭнд:) - Он один раз приходит и говорит: дядя, купи мне собачку, из слоновой кости такую, у меня увидел. А то, говорит, я тебя за ухо укушу. Слыхали? Ну не наглец?!

(Дядя ХаХао:) - А Лью ШуШон?

(Чжэн ДэдЭнд:) - А что Лью ШуШон? Ты же знаешь, какой он спокойный. Вздохнул, посмотрел на этого оболтуса, выразительно так посмотрел, и говорит: я, говорит, тогда, тоже тебя укушу.

(Дядя ХаХао, который в картине, нарисованной Чжэн ДэдЭндом уловил совсем другие флюиды, не хотел оставлять тему и поинтересовался:) - Укусил?

(Чжэн ДэдЭнд:) - Конечно, не укусил! Ты же его знаешь! Потакает ему вечно! А я говорю: кусай давай, чтобы не повадно было. Ухо ему откуси! Первый нападай!

Старый демон сжал оставшиеся зубы и помотал головой, словно раздирал чью-то глотку.

(Какой-то злопамятный любитель литературы:) - Правильно, так его! Он на лекции в поэтическом кружке нарочно храпел и возился! Не давал Лью ШуШону слушать про янтарный период творчества Великого Бо Баюна.

Старик Чжэн ДэдЭнд сделал вид, что не помнит: он тоже все время болтал и вертелся на заседаниях поэтического кружка. В тот раз, вообще-то, их с Лью ЛиДжоном обоим выставили с лекции, так что теорию стихосложения они применили, распевая неприличные частушки в "Двух Дынях".

(Чжэн ДэдЭнд:) - А помните, мы конце лета ходили в маленький храм Развесистого Эвкалипта на горе? Мы благовонные палочки зажгли, потом сели на ступеньки, Лью ЛиДжон навалился сбоку на Лью ШуШона и говорит: будешь моей подушкой! Подушкой он будет, слыхали? Дядя устал, всю дорогу пешком шли, а будет подушкой! А почему этот щенок на нем отдыхать будет, раз он подушка? Почему не предложить старому заслуженному человеку?!

(Дядя ХаХао:) - А Лью ШуШон чего? Рассердился?

(Чжэн ДэдЭнд, печально:) - Когда он сердился? Ты же его знаешь. Сидит, смеется, как дурачок. Нет, чтобы с лестницы засранца спустить.

(Кто-то:) - А ты-то как же туда дошел всю дорогу на гору?

(Чжэн ДэдЭнд, как само собой разумеющееся:) - Они меня несли по очереди. Из уважения к моим сединам.

Он победно сверкнул глазками и оправил свои семь волосинок на подбородке, видимо, опасаясь, что последние седины могут вывалиться. Несмотря на то, что Чжэн ДэдЭнд обожал ругать Лью ЛиДжона, они много времени проводили вместе и постоянно устраивали беспорядки, потому что шило в заднице у обоих было размером с упомянутый развесистый эвкалипт.

Приезжий грек ни слова не понял из того, что говорили в компании. Судя по жестам злобного деда, Лью ЛиДжона били, кусали, душили, пинали, ломали ему руки и, кажется, еще привязывали к лошадям, - причем, не исключено, что всей деревней. Изгнание с лекции о янтарном периоде Бо Баюна милосердно миновало внимание грека, иначе он разразился бы слезами у всех на глазах при мысли, какие звери окружают предмет его симпатии.

Феогнид вспомнил беззаботную улыбку и ласковую большую ладонь - теплый приветливый ореол вокруг молодого рабочего, - несмотря на все тяготы его беспросветной жизни. И убогую полинялую рубаху на пронзительном морском ветру. Феогнид чувствовал себя Орфеем, спустившимся в царство мертвых за своей Эвридикой.

=====

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице проекта, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697103>